

Дмитрий
Девятириков

Незнакомец

Дмитрий Десятириков

Незнакомец

«Издательские решения»

Девятириков Д.

Незнакомец / Д. Девятириков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855454-4

Бушующее море желаний, низменных потребностей, прикрываемое благородными мотивами, — это то, что нас объединяет. И лишь Незнакомцу дано видеть эту глубинную суть. Если хочешь, исполнятся самые сокровенные мечты. Стоит только подписать контракт.

ISBN 978-5-44-855454-4

© Девятириков Д.
© Издательские решения

Содержание

Незнакомец	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Незнакомец

Дмитрий Десятириков

© Дмитрий Десятириков, 2019

ISBN 978-5-4485-5454-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Незнакомец

Часть первая

Глава 1

«Кто бы мог подумать, что дорога от дома до работы может вызвать такой восторг?» – думал Он про себя, не спеша идя под раскидистыми кронами деревьев, нависающими над тропинкой. Ему хорошо известно, что его ждет там, в самом конце пути. Расплата. Он примирился с этим давным-давно. Этот день был неизбежен точно так же, как неизбежно наступление ночи или смена времён года. Но одно его успокаивало здесь и сейчас – эти последние минуты всё ещё принадлежат ему.

Как странно, то, что ещё совсем недавно не имело никакой ценности, было атрибутом повседневности, чем-то обыденным и незначительным, сегодня преобразилось, приобрело блеск и дороговизну, какой не имеет ни один драгоценный камень, ни один драгоценный металл. Наверное, только стоя на краю, можно оценить всю красоту и неповторимость жизни, ощутить её вкус.

Какая нелепость. А ведь стоит остановиться, перестать бежать, присмотреться, и серость удушливой реальности тут же спадёт, словно пыльный покров. «Это ли не чудо?» – задавал Он себе вопрос. Но тут же сам отвечал: «Кто же остановится?» В обществе, в котором мы живём, правит мнение, что стоит тебе остановиться, и ты отстал, а раз отстал, то ты позади. А раз ты позади, то тебя обогнали, обошли, а раз тебя обогнали, то ты уже никто. Ты бесполезен. А раз ты бесполезен, то для социума ты всё равно, что мёртв. Люди стали акулами, для которых остановка равносильна смерти. Но сейчас это не имело значения.

Как же подросли эти деревья. Столько лет одним и тем же маршрутом: работа – дом, дом – работа. Но вспомнить их в другие дни Он не мог. Помнил, как увидел их впервые: маленькие, тщедушные деревца, у которых вся жизнь впереди. А сегодня – большие, величественные, гордые, повидавшие много на своём веку. Где же эти десять лет в памяти? От осознания того, что жизнь все эти годы шла мимо, сердце защемило, а во рту появился привкус разочарования. Эту мысль невозможно принять. И лишь одно утешение ему оставалось – с этим не придётся долго жить.

Вся жизнь, кадр за кадром, эпизод за эпизодом, складывалась в единую череду событий, которые, в тот или иной отрезок жизни, казались важными. Сейчас их важность в лучшем случае была сомнительна, а в большинстве и вовсе отсутствовала. Понимание приходит слишком поздно. Сейчас ему казалось, что он способен понять всю суть мироздания, будь у Него время. Но времени не было. Оно стремительно ускользало. Тропинка делала последний виток. Ещё чуть-чуть и он на месте. Вот уже видна проходная. Через внутренний двор в вестибюль. На лифте на 7 этаж. Офис, что в конце коридора. Он запер за собой дверь и тяжело вздохнул. Часы показывали без четверти восемь. Глубокий вдох.

Оставив все свои вещи в офисе, он вышел, не закрывая дверь. Снова лифт, последний этаж. Узкий коридор, пожарная лестница на крышу. Узкая дверь. Не заперто. Техника безопасности превыше всего. На крыше, на высоте 12 этажей ветер был хоть и тёплый, но сильнее и с порывами. Лёгкая дрожь пробежала по телу. Отсюда открывался удивительный вид. Вид, которого он прежде не знал. Люди внизу такие крохотные, суется как муравьи. Зелень сплошным ковром укрывает землю. Но среди всего этого многообразия взор его остановился на чистом голубом небе. Глубина его, равно как и красота, непостижимы. Взгляд его, блестящий от внезапно подкативших слёз, пристально впивался в небесную гладь. Восемь часов ровно. Пора.

Под кронами деревьев было прохладно. На узкой тропке, по которой совсем недавно прошёл задумчивый человек, пристально всматривающийся в каждую мелочь, стоял Незнакомец. Он стоял и ждал. Ждал, когда часы сообщат нужные ему восемь часов. Лицо его было чистым и спокойным. На нём нельзя было прочесть ни одной эмоции. Его лицо напоминало маску. Взгляд Незнакомца был устремлён во внутренний двор. Двор был полон народу. Все спешили по своим рабочим местам. Муравейник начинал свою повседневную жизнь, и ничто не предвещало плохих вестей.

Глухой удар. Никто не понял, что произошло. Некоторые закричали, что видели, как он падал. Особо чувствительная дама, что стояла рядом тут же потеряла сознания от увиденного. На камне внутреннего двора лежал, с разmozжённой от удара головой, человек. Не все смогли сразу узнать в нём своего коллегу. Кровь растекалась вокруг, и вот уже тело превратилось в остров посреди кровавого моря. Кто-то щупал пульс. Кто-то пытался оказать первую помощь. Кто-то вызывал скорую.

Незнакомца это не интересовало. Ему достаточно было увидеть падение. Он даже не дождался приземления прыгнувшего человека. Но он отчётливо слышал звук приземления и вой, что поднялся вокруг. Ему было хорошо известно, что тот мёртв. Всё произошло так, как и должно было произойти. Его время истекло. Его сделка состоялась. Глубоко внутри Незнакомец был счастлив, но внешне никак этого не показывал. Он был рад, что всё прошло гладко, что должник не бросился в бега, что ему не пришлось применять иных методов воздействия. В адрес погибшего он бросил последнюю мысль: «С вами было приятно иметь дело». Затем он посмотрел в небо и произнёс: «Ты всё ещё в них веришь?» Улыбнулся. А после отправился прочь.

Глава 2

В маленькой душной комнате, которую он снимал, было только одно окно. Из окна открывался замечательный вид на кирпичный фасад соседней высотки. Деревянные ставни визгливо поскрипывали от каждого дуновения ветра. Измазанное стекло потрескалось, и одному Богу известно, каким образом оно ещё держалось. Лампа под самым потолком болталась на электрическом кабеле. Налёт покрывал её так густо, что свет от неё больше напоминал свет свечи. Хотя этого было предостаточно, чтобы осветить убогий интерьер этой лачуги. Односпальная панцирная кровать с продавленными пружинами при каждом движении спящего, в унисон с оконной рамой, начинала скрипеть. Даже когда кровать пустовала, пружина провисала по вогнутой дуге, едва не касаясь пола. На кровати лежал изодранный матрац, пожелтевший от времени, и источал затхлый запах от той же старости и сырости, что в этом убогом помещении было предостаточно. Дальний угол комнаты промерзал с завидной регулярностью каждую зиму. Матрац укрывала льняная простынь. Такая же старая, как и матрац. Такая же жёлтая. От былой белизны не осталось и следа. Такая же подранная. Подушка, если то, что лежало на кровати можно назвать подушкой, свалилась, стала комковатой. Сквозь ткань торчали перья. Словно какое-то пернатое стремилось выбраться из этого тканого мешка на волю. Одеяло представляло из себя зрелище так же убогое. Без пододеяльника. Маленькое. Видимо, когда-то оно было детским. Сейчас это ребенку подавать было категорически противопоказано. Грязное и дурно пахнущее, оно его, однозначно, напугало бы. Всё это лежало как попало, было скомкано и не прибрано. Рядом стоял старый пошарпанный стул. Старый. И тоже скрипящий. Он стоял возле стола. Стол на удивление не скрипел. Твёрдо стоял на своих четырёх ножках, верой и правдой продолжал служить. Напротив него стоял шкаф. Двухдверчатый шкаф. Одна дверка была сломана, и потому не открывалась, другой не было вовсе. Это богатство занимало почти всё свободное пространство, оставляя для жизни лишь узенький проём от двери до окна. В этих просторах Он и ютился.

Сейчас Он стоял у окна и смотрел в окно. В тот небольшой просвет, что оставался между кирпичным фасадом одного дома и другого. Вечерело. Между фасадами опускался пылающий багряно-золотой диск заходящего солнца. В руках у него золотистого цвета пергамент, чья поверхность исписана каллиграфически точными письменами с завитушками. Он давно прочёл его. Знал содержимое наизусть, но никак не мог решиться. Думал: взвешивал «за» и «против». А когда чаша весов склонялась в пользу «за», он начинал искать себе оправдания. Пытаясь выставить всё так, что это нужда его толкнула, что это не он, а обстоятельства всему виной.

Солнце наполовину скрылось за горизонт. Время поджимало. Как только последний луч погаснет, ему нужно дать ответ. Ответ? Но разве он не очевиден? Ведь всё до тошноты просто. За это убогое жилище через неделю нужно будет снова платить, но денег у него на это нет. Ему едва хватит на то, чтобы не умереть с голоду. С работы его уволили, а на новую с таким послужным списком вряд ли возьмут. Просить помощи не у кого. Но даже если выход и найдётся, и он сможет заплатить. Жить здесь? В этом убогом пристанище? Скоро зима – снова мёрзнуть? Когда голодно и холодно жизнь точно мёдом не покажется. Он это знал. Помощи ждать неоткуда. В этом мире человек человеку волк. Но выжить одному трудно и потому волки собираются в стаи, куда ни за что не примут чужака. Стая попирает чужих и защищает своих. У него этой стаи не было. Но погибать он не хотел. В руках он держал билет в новую жизнь. Стоит только протянуть руку и поставить подпись, и всё это кончится.

Мир не так чист и светел, как о нём говорят. Это жестокое место вовсе не для слабых. Но это ненадолго. В какой-то миг сомнения его оставили. Боль разочарований и неудач лавиной обрушились на него, прижав его к земле так, как небосвод давит на плечи Атланта. Под этой тяжестью все его моральные принципы, голос совести и ростки человеколюбия сломались

в один миг. Одиночество. Он ощущал, как оно входит в него и заполняет его пустотой безысходности и кромешной тьмой, где единственным источником света была эта золотистого цвета бумага. Больше никаких колебаний! Он подошёл к столу и поставил подпись. Последний луч света погас.

Когда он оторвал взор от бумаги, на которой чернила проникали в толщу волокон, то увидел, что дверь его комнаты открыта. На пороге стоял Незнакомец. Лицо его, напоминающее маску, он уже видел вчера. Именно он дал ему этот пергамент. Он встретил его посреди улицы словами:

– Я могу помочь, – это были его первые слова.

На вопрос:

– Что, простите? – он лишь протянул ему бумагу со словами:

– У тебя есть время до завтрашнего заката. Если ты подпишешь эту бумагу до захода солнца, то все твои проблемы исчезнут. Я приду завтра.

С этими словами он развернулся и ушёл прочь как ни в чём не бывало словно этого разговора и не было, оставив молодого человека в недоумении с контрактом в руках. Сейчас он стоял здесь перед ним в точно назначенное время. Как он узнал о проблемах, как их решить, где я живу? Все эти вопросы витали в голове, но задать их язык не поворачивался. Лицо-маска было таким же холодным. Незнакомец вошёл в комнату, поставил на стол свой портфель и положил в него контракт. А после приветливо улыбнулся в дверях и сказал: «Обратный отсчёт начат. Не теряй времени».

С этими словами он вышел прочь, ясно давая понять, что больше он ничего объяснять не станет. Молодой человек, не закрывая дверь, вышел следом. Правда, никого в коридоре уже не застал. Он спустился вниз и вышел на улицу. В голове крутилась одна мысль: «Этот вечер начало моей новой жизни. И плевать на все остальное».

Незнакомец шёл по проспекту. Свернув на набережную, он вышел к воде и посмотрел вдаль. Звёзды отражались в рябой глади чёрной воды. Очередная сделка без лишних вопросов. Он был рад. Так рад, что невольно рассмеялся. А, посмотрев на небо, бросил небрежно: «Ты всё ещё в них веришь?» – и закатился смехом новым приступом. Наконец успокоившись и взяв себя в руки, он бросил последний взгляд на водную поверхность и россыпь звёзд, и отправился прочь.

Глава 3

Окно его офиса выходило на запад. Отсюда открывался великолепный вид на закат. Мало кому удастся увидеть закат с высоты ста этажей. Закат, который купается в белом бархате облаков. Раскалённый жёлтый диск, приближаясь к линии горизонта, начинает обрастать алой каймой, словно впитывая всю пролитую за день кровь на этой грешной земле. Лучи солнца впиываются в перину облаков и саму плоть земли, цепляясь за неё тысячами маленьких якорьков и подтягивая светило словно большой корабль к пристани. Пылающий огненный шар коснулся земли. Глядя на это великолепие от начала и до конца, наблюдая, как уходящее солнце тянет за собой покрывало ночи с россыпью звёзд, понимаешь, как же всё вокруг несущественно.

Но для него всё это не имело смысла. Не имело значения. Он стоял у окна, опираясь рукой на стекло, и смотрел вниз. Величие сравнимо с полётом. Он добился таких высот. Кто-то смог бы так же? Ответ был очевиден. Эта высотка была предметом его гордости и зависти его конкурентов. Величественное строение из стекла и бетона своему владельцу позволяло смотреть на остальных сверху вниз. «Монумент сравнимый с пирамидами древних царей», – думал он. Так велико было его эго.

Говорят, что деньги и власть портят человека. Но это не так. Они лишь освобождают демонов, что всегда жили внутри. Внутреннее уродство, что сокрыто глубоко внутри. И оно не покажется до тех пор, пока не будет уверено, что сможет безнаказанно явить себя белому свету. Деньги и власть у него были. И его внутренние демоны ликовали. Он позволял себе всё, что хотел. Переходил все возможные мыслимые и немыслимые границы, подпитывая тьму внутри себя, уверенный в собственной всеисильности и безнаказанности. Но, как это часто бывает, в один прекрасный день удача оставила его. Крупное дело с такими же акулами, как и он, пошло не так, сорвалось. И всё рухнуло. Завтра о его поражении узнают все. Уже сегодня его покинули те, кто вчера приветливо пожимал руку и улыбался сквозь зубы. Крысы бегут с тонущего корабля. Он ненавидел всех и всякого всеми силами души. Внутренние демоны рвали его изнутри за его бессилие. За неспособность ответить. За то, что расплата шла за ним.

Он смотрел вниз. Его ненависть росла, словно снежный ком. Завтра еще до обеда кучка поганных стервятников сбежится, чтобы урвать кусок пожирней от погибающей туши. Они заберут у него всё. Гнев сжигал изнутри. Сердце колотилось быстро. Очень быстро. Сосуды пульсировали на висках, отдавая болью. Больше всего на свете он хотел выкарабкаться. Но не знал как. Он желал падения остальным и возвыситься для себя.

Солнце уже давно село. В небе светила полная луна. Близилась полночь. Только сейчас он заметил, что один. На глаза ему попала бумага. Ему её вручил какой-то человек, когда он выходил в гнев с заседания. Что же он сказал? Ах, да. Что-то про решение моих проблем. Кто он такой? Чем больше он думал, тем больше вопросов появлялось, но ответов не было.

На столе лежала золотистая бумага. Её он инстинктивно взял не читая. Чем-то она его привлекла. Сейчас в кабинетной темноте она источала холодный желтоватый свет. Это контракт. Уж что-что, а контракты он различает с первого взгляда. Беглым взглядом, сам не зная, почему, он стал читать. Сделка? 10 лет. На секунду он остановился. Замешкался. И начал внимательно читать с самого начала. Дочитав до конца, он сел в кресло и задумался, не отрывая взгляд от бумаги. Содержимое его смутило. Он не знал, что думать. Непонятно почему, он верил каждому слову в этой бумаге. Каким-то странным образом этот пергамент заставлял его верить в подлинность и достоверность. Может быть, это отчаяние довело его до этой фанатичной веры в чудо? Или же он так глуп? Нет. Не может быть. Может это злая шутка? Шутка тех второсортных людишек, что завтра будут насмехаться над его падением. В это он категорически отказывался верить? Шутка ли, моя подпись, и всё будет хорошо. Он смотрел на бумагу в раздумье. Ему как никогда хотелось, чтобы всё это было правдой. «А, плевать, – подумал

он, – подпись ничего не изменит». Все равно завтра он никто. И, взяв золотой «Parker», он поставил небрежную подпись и откинулся в кресле. Подняв глаза, он увидел силуэт. От страха молниеносно вскочил и включил свет. Перед ним стоял тот же человек. Незнакомец.

– Как вы сюда вошли? – не теряя самообладания, спросил он.

– Это неважно. Гораздо важнее то, что Вы сделали выбор. Правильный выбор, – отвечал Незнакомец. По бесчувственному лицу растекалось нечто похожее на улыбку.

– О чём Вы?

– Об этом, – Незнакомец указал на контракт.

– Ах, об этом. Да, у меня есть парочка вопросов.

– Это лишнее. Вы подписали. Вы согласились.

– Да, но...

Незнакомец перебил его:

– Ваше желание исполнится.

Он онемел. Впервые в жизни не зная, что сказать.

Незнакомец продолжал:

– Отправляйтесь домой. Ложитесь спать. Завтра всё будет так, как вы хотели. Вы возвыситесь. Они падут. Ведь это ваше желание.

– Да, – последовал неуверенный ответ.

– В таком случае, ваша сделка состоялась. Свой долг вернёте ровно через 10 лет. Время пошло.

Незнакомец положил контракт в портфель и направился к двери.

Уже в дверях его остановил оклик:

– А если я не отдам долг через десять лет? Что тогда?

Не оборачиваясь, Незнакомец небрежно бросил в сторону вопрошающего:

– Попробуйте, – и вышел прочь.

Он бросился ему в след, ухватившись за ещё закрывающуюся за Незнакомцем дверь. Но в коридоре было пусто.

«Неужели привиделось? – подумал он, – не может быть. Нужно и правда поспать. А завтра посмотрим, что делать. Если всё это правда, завтра всё будет так как я хочу. Десять лет долгий срок. Выкручусь. И не из таких передрыг выбирался». И, самодовольно улыбнувшись, направился домой.

Незнакомец смотрел на лунное небо и думал: «За этим нужен глаз да глаз. Стоит приглядывать за ним. Не хотелось бы мотаться по свету в поисках этой скользкой и уродливой тушкой. Вот уж верно говорят: тварь божия. Этот урок, что я ему преподнесу, он запомнит надолго. Ну как надолго – навечно». И тут незнакомец снова рассмеялся. А когда успокоился и смех его стих, он произнёс в небо: «Ради них ты создал этот мир? Ради вот них?!» В голосе его звучало нескрываемое презрение.

Незнакомец кричал в небо: «Что ж, любуйся своими детьми. Их деяниями. Я не против. Но ответь же! Ты всё ещё в них веришь?!»

Ответа не последовало. Его вопрос эхом разлетелся по ночному воздуху и затих. А Незнакомец молча отправился прочь.

Глава 4

«Очень оригинально, прятаться в баре от проблем», – думал он про себя. В этой небольшой забегаловке он бывал регулярно. Сюда его манило и то, что здесь можно тихо и незаметно посидеть, и то, что здесь была сравнительно неплохая и недорогая выпивка. Отличный способ спрятаться от проблем и от гнетущего семейного быта. Здесь он мог подумать о том, что он сделал, и предаться сожалениям о сделанном выборе.

Как это часто бывает, буйная молодость оставила следы на всю жизнь. В его случае это была жена, которая стала таковой по причине непредвиденной беременности после одной страстной ночи. Он всегда считал себя порядочным человеком и потому, узнав о том, что его дама сердца в положении, поспешил жениться на ней. О любви речи не было. Лишь о том, как сохранить доброе имя. Разумеется, утешать себя тем, что он поступил как подобает джентльмену, долго не удалось. Всё чаще и чаще в голову забирались мысли: «А что, если бы...»

В каком-то смысле он, быть может, их и любил: жену и ребёнка. Но этой любви было мало, чтобы сделать его счастливым. Он хотел свободы. Свободы без обязательств и без последствий. Он желал этого так страстно, что зубы сводила судорога. В поисках хоть сколько-нибудь легального способа облегчить свои муки, он пристрастился к алкоголю. Когда он пил, то думал: «Вот что это за жена? Ни тебе скандалов, ни истерик. Вечно занята ребёнком. Будь она меркантильной стервой, скандалисткой и просто дрянью, был бы повод уйти. А так...» Впрочем, он и женился на ней потому, что она не была ни стервой, ни скандалисткой, ни истеричкой. А она вышла за него просто потому, что не хотела, чтобы её ребёнок рос без отца. В этом замкнутом круге он ходил день и ночь. Не зная, как повести себя и что сделать. Он желал вырваться. Но при этом не потерять лицо. Свобода без последствий. Он этого хотел. Но выхода не видел. От того ещё больше пил. И всё больше погружался в грёзы, где он снова свободен и может всё.

В предыдущий вечер, когда он пребывал в своих мечтах после очередной порции горячительного напитка, к нему подсел мужчина лет сорока с чисто выбритым лицом, правильными чертами, прямым носом, острым подбородком и глубокими пронизывающими чёрными глазами. На нём был чёрный костюм и белая рубашка. На вешалке рядом он оставил пальто, на колени поставил свой портфель. Взгляд его пристальный и холодный. Лицо словно маска без единого намёка на эмоции. Но в следующий миг он заговорил:

– Не надо вопросов. Просто слушай.

Противиться его воле почему-то даже на бесстрашную хмельную голову оказалось трудно. Голос его словно раскалённая сталь проникал внутрь и звучал там эхом. Он подчинился.

– Жизнь дерьмо. С этим не поспоришь. Думал, секс на одну ночь, а она тебе в подолё подарок принесла. И вот ты как добропорядочный мужчина женишься на залётной девке.

В голосе этого человека звучала ирония. Он говорил о его жизни словно о чём-то столь незначительном, словно это анекдот.

– Работа – дом. Вечный маршрут. Правда, ты нашёл себе небольшую пристань: вонючую пивнушку, где за липким столом ты предаёшься своим мечтам о свободе: свободе от жены и ребёнка, свободе ото всех обязательств, взятых когда-то по молодости, по глупости.

В голове крутились вопросы: «Кто он такой и откуда ему это известно?»

– Не нужно быть гением, чтобы узнать мысли мужчины, протирающего штаны каждый вечер в этой дыре, – словно читая мысли, говорил Незнакомец.

«Он следил за мной?», – первое, что предположил он. Мужчина продолжал:

– Свобода – это гораздо проще и дешевле, чем ты думаешь. Неважно, кто я и откуда я всё это знаю. Гораздо важнее другое: я продаю билеты в страну грёз.

И он положил на стол золотистого цвета пергамент, исписанный аккуратными багряно-красными буквами.

Первое, что поразило, на пергаменте он прочёл: «Контракт». И там уже было вписано его имя. Как он узнал? Откуда он мог всё это знать? Читать дальше сил не было. Голова разрывалась. Остатки хмеля из него вышли ручьями обжигающего пота. Он был мокрым насквозь от него. Мужчине, что дал ему контракт, это явно нравилось. Он спокойным голосом и с наигранным пониманием продолжал:

– Посиди, подумай, почитай. Я приду завтра в это же место, в это же время. Если ты решишься, то твои мечты станут явью. Если нет...

Мужчина сделал паузу. В эту паузу он оторвал взгляд от контракта и посмотрел на уже стоявшего и одетого в пальто мужчину. Тот смотрел на него сейчас с холодностью, с какой смотрел в начале.

– Если нет? – неуверенно переспросил он.

– Если нет, – отвечал ему мужчина в пальто, – ты упустишь свой шанс. А он ведь может и последний в твоей жизни.

С этими словами мужчина вышел прочь из заведения, оставив его в полном непонимании. Расплатившись, он вышел на улицу. Свежий ночной ветер обдувал его лицо и охлаждал его пылающее тело. В тусклом свете фонарей он принялся читать контракт. Изумление, которое он испытал в баре, сейчас только нарастало – здесь всё, чего он желал. «Я подпишу», – решил он.

Сегодня он сидел здесь, подвыпивший и счастливый, в ожидании своего спасителя. Когда Незнакомец вошёл, то всё в мире стало как-то неважно. Туманом вокруг. Он протянул самодовольно пергамент с подписью и сказал:

– Я согласен.

– Чудно, – последовал ответ. – Ты получишь то, чего так хотел.

С этими словами Незнакомец забрал контракт и вышел прочь, оставив его, немного напуганного и счастливого, в баре, где он незамедлительно принялся отмечать начало своей новой жизни.

А в это время на другом конце города Незнакомец смотрел в окна второго этажа. Он стоял неподвижно и ждал. Ждал, когда случится то, что теперь должно случиться. И вот его глазам открылась следующая картина. В дверь позвонили. Женщина идёт, чтобы открыть дверь. Думая, что это муж, она открывает, не глядя в глазок. Но это был не он. Два наркомана в поисках лёгкой наживы, средств для новой дозы, решились на отчаянный шаг. Они вломились в дом. План, у них был план. Но разум и тело, что находятся в зависимости, плохо следуют плану. У одного из них нож. Нож, что был взят для угроз. Кто знает, что в голове у наркомана. Что его может спровоцировать? Удар, ещё удар, череда ударов. Белая футболка женщины на животе окрасилась в тёмно-алый цвет. Она сползла по стене прихожей и из последних сил попыталась позвать на помощь. На крики выбежал ребёнок. Женщина пытается ползти и из последних сил кричит ему что-то в тщетной попытке защитить своё дитя. Но уже поздно. Утром полицейский скажет, что женщина скончалась от 27 ножевых ран, ребенок от 15. Он также скажет, что виновных в смерти женщины и ребенка поймали. Нашли по горячим следам. Какое слабое утешение. Слабое утешение для мужа и отца, который в эту ночь был весел и пьян. В ночь, которая его освободила. Теперь он свободен. Как того и желал.

Контракт – жестокий документ. Его нельзя обмануть, его нельзя переписать или расторгнуть. После того, как ты поставил подпись, сделка считается состоявшейся. Ты не сможешь обвинить кого-то в том, что получил не то, чего желал, ибо контракт проникает в самую суть любого желания и исполняет его таким, каким ты хочешь, без шёпота морали и общественного долга. Контракт – это отражение всех самых грязных и уродливых сторон твоей души.

Незнакомец стоял и смотрел в окна, где разыгралась трагедия. Но он ничего не сказал. Ничего не попытался сделать. Более того, судьба этой женщины и её ребёнка была ему известна в тот самый момент, как он только увидел её мужа в баре со стаканом. Спасти её могло только одно – это отказ мужа подписать контракт. Если он подпишет, они умрут. И он подписал. Завтра он будет рыдать. Он будет страдать и не находить себе места. Винить себя. И в конце концов чувство вины убьёт его. Ведь он так и не сможет найти себе оправдания. Ведь он так и не сможет узнать, почему его желание осуществилось так. Одно лишь он поймет утром, что за свою свободу он заплатил огромную, непомерно огромную цену. Он заплатил цену столь большую за то, что ему, в общем-то, и не было нужно.

Незнакомец стоял и смотрел. «Нужно быть осторожней с желаниями, – думал он, – то, что в голове твоей невинной мыслью было, на практике оказалось тем, что ты вряд ли сможешь принять. Когда мы снова встретимся, он слёзно спросит, зачем я их убил. А я, смакуя момент, отвечу: „Это сделал не я, а ты. Контракт не может нарушить естественный ход вещей. Изменять тебе она бы не стала. Сама от тебя не ушла, думая, что ты пропадёшь. Вот и получается, что единственным выходом осуществить желание, было просто убрать её с пути. Вместе с твоим отпрыском“». Думая об этом разговоре, Незнакомец уже просто мечтал увидеть его рожу и посмеяться.

Глядя в окна второго этажа, где два наркомана обыскивали квартиру, он произнёс вслух: «Это ты убил их. И что самое отвратительное, ты не раз сам себе признавался, что это тоже выход, и этот выход, к твоему стыду, тебя устраивал. Правда, в этот раз, все случилось не по воле случая, а по твоему желанию».

Незнакомец улыбнулся: «Забавно». Он посмотрел в небо и сказал: «Продолжаешь верить? Так держать. Они того стоят».

После этого он плюнул презрительно на землю и отправился прочь.

Глава 5

Небо, низкое и свинцовое, укрывало город. Серой дымкой подёрнута зелень листвы. Словно само солнце хандрило и не хотело выходить сегодня на работу. Люди под зонтами прятались от моросящего дождя. На улице было сыро и прохладно. Впрочем, это не смущало одного юношу, что сидел на лавочке в парке под развесистой кроной старого дерева.

– Давно не виделись, друг мой, – обратился к сидящему в парке на скамье Незнакомец.

– Здравствуй, – без тени эмоций ответил сидящий, – ты снова пришёл мучить меня?

– Это ещё вопрос, кто кого мучает! Ведь во всём мире трудно сыскать большего зануду, чем ты.

– Очень смешно, – всё так же, без эмоций, отвечал сидящий.

– Скажи мне, разговорчивый ты мой, что ты видел?

Лицо сидящего, молодое и чистое, перекошилось от боли, которую ему принесли воспоминания. Но спрятаться от них не мог. Он знал, что нужно Незнакомцу. Так он величал своего друга, хотя их встречи давно стали регулярными. Они виделись не реже раза в неделю на протяжении вот уже семи лет. В этом парке, на этой скамье, под кроной этого дерева. Он всегда отпускал что-то едкое в его адрес, а потом задавал ему один и тот же вопрос: «Что ты видел?»

Видеть – это его проклятие от рождения. Видеть то, что другим было видеть не дано. На их счастье. С самого детства он был плаксивым ребёнком. Настолько плаксивым и неугомонным, что его родители обратились за помощью к доктору. Один за другим, бесконечной чередой, они смотрели на него, но так и не смогли объяснить, в чём же дело. А ребёнок всё продолжал плакать. Пока его не показали психиатру. Тот поставил ему неутешительный диагноз – психическое расстройство. Более он в подробности не вдавался, сообщая эту новость родителям. Добавил лишь, что в обществе ему нет места, что ему нужен покой и лекарства. И так он оказался, едва появившись на свет, в клинике для душевнобольных. Где под чутким надзором доктора его стали пичкать таблетками. Год шёл за годом. Менялось всё вокруг, кроме того, что он видел. И то, что он видел, его пугало. Напуганный и загнанный собственным страхом внутрь самого себя он, находясь в вечном лекарственном дурмане, осознал, что нужно молчать. И, привыкая молчать и загонять свой страх в подкорку, давить свои порывы, он стал, по словам доктора, идти на поправку. И в подростковом возрасте его выписали с диагнозом «Аутизм». Неопасный для себя и общества, умеющий обслуживать себя, он стал самым любимым пациентом этого учреждения. И так годы продолжали идти. Менялись люди, они приходили и уходили, а он молчал, словно не замечая их. Но это была ложь. Он не видел их лиц, лица их для него напоминали пятно, расплывчатое и непонятное. Но зато он отчётливо видел их души. О том, что он видит их подлинные лица, ему сообщил мужчина лет сорока, представительного вида, в пальто и с портфелем в руках. Лишь его лицо он смог разглядеть отчётливо, что выразилось в приступе паники. Он кричал и забивался в угол. А санитары пытались его связать и поставить успокоительный укол. Их остановил Незнакомец. Он смотрел пристально в его глаза с изумлением и неподдельным интересом. Он попросил дать несколько минут для разговора. И их оставили вдвоём.

Незнакомец начал:

– Воистину, эта земля полна чудес. Я и не ожидал, что найду здесь столь драгоценную душу.

– О чём Вы? – еле сдерживая слёзы и дрожь в голосе, спрашивал подросток.

– Оставь эту комедию для других. Прикидываться умственно отсталым это великолепный ход, чтобы скрыть правду. Ты видишь их насквозь. И это не метафора. Я это знаю.

Дрожь стала стихать. Почему он знает? Кто он?

– Ты не видишь их лиц, но видишь то, что они прячут. За милым личиком очень часто кроется уродливая душа. И тебе это дано видеть. Это ли не дар?

– Это проклятие, – тихо сказал он, – я к этому привык. Но почему я вижу ваше лицо?

– Это вопрос на миллион, на который я не готов дать тебе ответ. Однако, я могу тебе помочь.

– Я перестану видеть то, что вижу? – с надеждой в голосе спросил мальчишка.

– Нет. Это не в моей власти. Не я дал тебе этот дар, не мне его и забирать. Но я могу забрать тебя отсюда. Сегодня же. В обмен на одну услугу.

– Какую? – с недоверием и некоторым разочарованием спросил он.

– Мы будем с тобой говорить.

Недоумение исказило лицо мальчика.

– Ты будешь рассказывать мне всё, что видишь. Согласен?

– Да...

Незнакомец вышел, оставив все свои дела. А через час они уже собирали вещи.

В этот же день Незнакомец поселил его в небольшой, но уютной квартире в одном из самых многолюдных районов города. Происходящее его радовало и огорчало. Лица вокруг его пугали. Не все, но многие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.